

цендентальной зависимости. иными словами, цель Археологии заключается в том, чтобы проанализировать историю, не ограничивая при этом анализ каким бы то ни было предварительно заданным горизонтом и не приписывая ему какую бы то ни было форму субъективности. Археология, как уже было сказано, не может считаться ни наукой, ни основанием для науки будущего, но, тем не менее, она позволяет обнаружить предварительные условия того, что может осуществляться и функционировать как познание или иллюзия, истина или заблуждение, опыт или преодоленное препятствие. Поэтому археологическое исследование остается непосредственно связанным с науками и теориями, отвечающими научной строгости.

*Е.В.Андрянова, А.С.Емельяненко,
А.В.Логинов, А.С.Меньшиков, С.В.Останина*

РЕЦЕНЗИЯ

НА КНИГУ Р.РОРТИ «ФИЛОСОФИЯ И ЗЕРКАЛО ПРИРОДЫ» [Новосибирск, 1997] НА СЕМИНАРЕ МАГИСТРАНТОВ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

А.С.Емельяненко:

Чтение «Философии и Зеркала природы» больше всего напоминает увлекательное и одновременно поучительное путешествие. Философия-как-эпистемология — вот название страны, где побывал читатель. Или же это только название туристического маршрута? Поясним, что имеется в виду.

Различение философии, проводимое Рорти, на «систематическую» и «наставительную», заставляет задаться следующим вопросом: «кто же такой сам Рорти — систематик или наставник?» Нам очень хочется прояснить «позицию» самого автора. Кто наш проводник — туземец, рассказывающий об обычаях и нравах своей страны, или «турагент», «этнограф», «антрополог», короче говоря, тот, кто приходит со стороны. Кажется, ни тот ни другой. Почему? На первый взгляд, форма, в которой излагается история философии-как-эпистемологии («пролегомены к истории философии, ориентированной на эпистемологию», как говорит сам Рорти), ближе всего именно к системе, систематичности. Перед нами история идей, определивших приоритеты европейской философии, их трансформации, борьбы и взаимодействия — весьма детальный обзор. Все, казалось бы, идет к тому, что возникнет новая система, новое разрешение эпистемологической проблематики. Но этого не происходит. Погружаясь в эпистемологию, сам Рорти эпистемологом не становится (равно, в его смысле, и «систематиком»). В чем же тут дело?

Вся история эпистемологии, а точнее, европейской философии, для которой центральной стала эпистемологическая проблематика, преподносится в виде гигантской метафоры. Метафоры, которая, однако, обнаруживает себя в качестве таковой лишь в конце этой истории. Ибо, по Рорти, мы можем говорить о конце эпистемологии, исчерпанности эпистемологической проблематики. Коротко говоря, вся эпистемологическая проблематика для Рорти основывается на ряде «визуальных

© Е.В.Андрянова, А.С.Емельяненко,
А.В.Логинов, А.С.Меньшиков,
С.В.Останина, 2001

метафор». Концепции, понятия эпистемологии («идея», «репрезентация», «очевидность», «отражение» и т.п.) — это всего лишь такие «визуальные метафоры». Факт, который сами эпистемологи, впрочем, упорно игнорировали, приписывая этим понятиям сущностный характер. Подмена метафоричности буквальностью, утверждением оказалась тем фактором, который подорвал эпистемологию изнутри.

Отрекаясь от такого сущностного представления эпистемологических проблем, Рорти показывает, что история философии-как-эпистемологии может быть описана как всего лишь вариант языковой игры внутри самой философии. Выделение «систематической» и «наставительной» философий отмечает в таком случае ситуацию спора. Это спор, возникающий между философией и контекстом человеческой культуры, в котором она появляется. Философы-наставники, выступая от лица человечества, извне подрывают догматизм систематической философии, пытаясь развернуть философию в сторону реальных проблем человеческого существования. Но вряд ли Рорти спорит с эпистемологией, по поводу того, чем она занимается, что она делает. Его интерес направлен, скорее, на то, «как» она это делает. Короче говоря, Рорти не устраняет познание само по себе. Проблема в подходах, способах познания. Пафос книги в том, что Рорти призывает нас отказаться от ориентации на эпистемологию, которая, как мы уже понимаем, имеет собственные исторические границы (не в смысле хронологии, но в смысле ее генезиса). Призыв этот спровоцирован, на мой взгляд, этической озабоченностью философа. Тем самым, Рорти вновь выступает как не-эпистемолог. Но, с другой стороны, он все-таки и не философ-наставник, потому что простое развенчивание философии-как-эпистемологии означало бы, одновременно, признание ее господствующего положения. Рорти не видит себя в качестве маргинала по отношению к эпистемологии. Его отказ от эпистемологии можно охарактеризовать как отказ от унитаризма и тоталитаризма в философии в пользу философского либерализма. Отказ от философии-как-эпистемологии в пользу того, что может быть названо философией-как-герменевтикой. Последнее предполагает разговор, многоголосие, пересечение различных языковых игр. Герменевтик должен, прежде всего, уметь слушать, учит нас Гадамер (о нем Рорти говорит с большим пиететом). Думается, что именно «слушание» становится для Рорти принципиальным в изложении материала — текст «Философии и Зеркала природы» предельно многоголосен. Философия-как-эпистемология должна быть не рассмотрена, но услышана. Только так мы можем получить целостный образ философии-как-эпистемологии, любой другой философии-как-... Так собственно мы и снимаем вопрос о позиции Рорти. Что такое позиция как не визуальная метафора места? Текст «Философии и Зеркала природы» организует историю философии-как-эпистемологии в пространстве аудиальной метафоры, призывая нас к участию в разговоре, умению слушать, готовности к изменению собственной позиции.

А. С. Меньшиков:

Рорти ставит перед собой задачу: «показать, что их (философов) потребность вырваться к *arche* за пределы дискурса коренится в их потребности рассматривать социальную практику обоснования в качестве чего-то большего, чем просто такая практика. Я, однако, сфокуси-

ровал свое внимание главным образом на выражении этой потребности, рассмотренной в вышедшей недавно литературе по аналитической философии». [С. 289]. Он выполнил ее блестяще. Удручает другое — неоправданная экстраполяция выводов исследования, проведенного, как только что было заявлено, на конкретном материале конкретного периода в рамках конкретной школы, обретающейся на конкретной территории с конкретных жизненных позиций самого автора, а именно: рассмотрение американской аналитической философии нашего века с позиций американского же прагматизма. Тем не менее, Рорти заявляет: «Но я надеюсь, что показал как можно рассматривать вопросы, которыми озабочены нынешние философы...» [С. 290].

В его исследовании вся история новой философии превращается в драму теории познания, где главенствующую роль, как утверждает Р.Рорти, играют привилегированные репрезентации. Вся эта драма разворачивается у Рорти как «по писанному»: возникновение эпистемологической проблематики (смена оппозиции «истинное-ложное» на «внутреннее-внешнее»), становление и развитие эпистемологии как науки и закрепление ее как стержня философии («гносеологический поворот» и поиск привилегированных репрезентаций), а затем — «разложение» эпистемологии в XX в., а также «рецидивы» ее в эмпирической психологии, философии языка, философии науки, трактуемых как заместители/наследники эпистемологической проблематики. Завязка и развитие этой драмы эпистемологии показаны Рорти во всей их прелести и с блеском, поражая своей эпичностью, однако, кульминация этой драмы, оказывается совершилась в Америке, именно там произошла «переоценка ценностей» познания, именно там свершилась «деконструкция» эпистемологической проблематики в рамках «прагматизма-бихевиоризма-холизма». Самому же Рорти мы обязаны «подведением черты» под эпистемологией, т.е. открытием нового не-эпистемического пути философствования, таким образом, что складывается впечатление, будто вся европейская традиция исчерпывается классической философией, а дальнейшее развитие происходило уже в Новом свете.

В качестве пособия по современным американским философским течениям книга Р. Рорти неоценима, но, говоря об американской философии, Рорти пытается говорить о философии вообще, именно поэтому его концепция дальнейшего пути философии есть неоправданная экстраполяция выводов конкретного исследования на судьбу философии в целом, которая представляется весьма сомнительной, ибо отсутствие эпистемологии неклассической европейской философии в столь детализированном (цитатами, обзорами, пересказами) разборе наводит на мысль, что Рорти последовал здесь пресловутому принципу — «если факт не вписывается в систему, тем хуже для факта». Ведь основной вывод Рорти о «сумерках эпистемологии» звучит в 1979 году явным анахронизмом, поскольку эпистемологию-то Рорти критикует как раз в ее классическом варианте, что было сделано, по меньшей мере, столетием ранее. Отождествляя классическую эпистемологию с эпистемологией вообще, Рорти, что естественно, приходит к заключению о «закате» эпистемологии, тогда как классическая теория познания давно уже преобразовалась в теорию сознания, привилегированные репрезентации в интенциональность, объекты познания в феномены со-

знания, а эпистемология классическая в эпистемологию неклассическую — феноменологию, истинную свою наследницу, которая, казалось бы, и должна была привлечь весь критический пафос Рорти на себя, но странным образом, у Рорти вообще игнорируется неклассическая эпистемология, критике подвергается лишь классика, XVII—XVIII вв.

Далее, критикуя поиск привилегированных репрезентаций в эпистемологии, то есть теорию отражения, причем весьма подробно и интересно, Рорти смешивает обоснование (и идею, и практику) и основание. Ибо, противопоставляя обоснование просто разговору, *universitas* — *societas*, Рорти игнорирует тот факт, что если обоснование, как поиск привилегированных репрезентаций, оправдываемый теорией отражения и опирающийся на корреспондентную теорию истины, а значит, предполагающий некую **объективную реальность**, и может быть раскритиковано (и уже давно подвергнуто отрицанию неклассической эпистемологией), то основание (и как идея, и как практика), как поиск общего горизонта, «общей рамки», являющийся необходимым условием всякого разговора, а это и будет само сознание, не может быть отвергнуто, ибо отвергать основание — значит, отвергать саму **актуальность сознания**, без чего никакой разговор, никакой диалог — те ценности, что Рорти и отстаивает — невозможны.

Наконец, завершающий аргумент Рорти в пользу герменевтики как альтернативы эпистемологии, заключающийся в том, что первая является носителем свободы, призвана «размораживать» застывшие дегуманизированные «нормативные дискурсы», тогда как вторая, наоборот, блюдет «царство необходимости», также выглядит после «Кризисов» Гуссерля и экзистенциализмов всех сортов анахронизмом.

Итак, заявленные нами в качестве претензий — неоправданная экстраполяция (американской ситуации на философию вообще), явное игнорирование современной европейской традиции, очевидное смешение классической и неклассической эпистемологий, а также обоснования и «положения об основании» (основы неклассической эпистемологии), что ведет его к иллюзии гибели эпистемологии вообще, — не лишают данной работы ее ценности в качестве пособия по современной американской философии, а также еще одного манифеста «за гуманизм и дело мира», философским языком высказанного.

Е. Андрянова:

Книга Ричарда Рорти «Философия и зеркало природы» может вызывать различное к себе отношение — от восторженных откликов до абсолютного неприятия, но, я уверена, вряд ли оставит кого-нибудь равнодушным. Книга, прежде всего, поражает обилием информации, выписываемой на читателя с ее страниц. Для текста Р.Рорти характерны постоянные ссылки на самых разнообразных философов как XX века, так и ряда предшествующих веков. Среди них и такие хорошо известные русскому читателю имена, как Платон, Дж. Локк, Р. Декарт, И. Кант, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер и другие, а также менее известные в силу отсутствия большинства их работ на русском языке, такие, как Селларс, Дэвидсон, Райл, Малькольм, Патнэм, Броуд, Сمارт и др. Обилие имен и зачастую детальное рассмотрение части их концепций имеет ряд позитивных следствий. Во-первых, достоверно и доказательно показана история возникновения и развития философии, ориентированной, глав-

ным образом, на теорию познания, затем процесс ее «умирания», или преодоления представителями так называемой «наставительной философии». Во-вторых, книга может быть использована также и для знакомства с теми мыслителями и их идеями, которые стали популярными в западной философии широко там используются. В этом плане данная работа не относится к разряду тех книг, которые можно прочитать одновременно, уловить основную идею и легко сохранить ее в памяти, дабы затем иметь возможность ее воспроизвести. К этой книге можно возвращаться постоянно, ибо при каждом новом прочтении не только всплывает новый смысл, открывается новый пласт данного философского произведения, но, на мой взгляд, каждый раз именно в процессе чтения случается, задуманное, вероятно, автором книги. Иными словами, сам процесс прочтения становится целью, и смысл порождается самим читателем, а не автором, который какую-то идею уже заложил при написании работы. В этом плане читателю, привыкшему к традиционному способу философствования, покажется странным и в какой-то степени «дискомфортным» тот момент, что Р.Рорти постоянно прячется за так называемых «героев» своей книги, что не всегда ясно и четко прописана его собственная позиция, порой трудно различить, излагает ли он идеи того же Селларса или уже перешел непосредственно к своим. Одно ясно, что Р.Рорти констатирует несостоятельность эпистемологически ориентированной философии в современной культуре, но и здесь он спешит оговориться, что есть возможность возвратиться к жизни систематическую философию: «Может случиться, что образ-отражения и «основное русло» систематической философии будет оживлен снова каким-нибудь революционным гением».

А. В. Логинов:

Актуальность работы подготовлена, выражаясь словами Куна, «общеввропейским» кризисом существовавшей парадигмы мышления классической и неклассической философии, в основании имевшей соотвествующие теории истины (гносеология) и субъект-объектную картину мира (онтология). Принципиальная узость тематики исследования позволяет Р.Рорти, используя доксографию и компаративистику, выстроить логичный в проблемном и временном срезе сюжет.

Начиная с Нового времени, философия, чьим функциональным предназначением становится «оправдание» науки, занимается поиском «рационально» достижимых оснований (исходных точек, эпистем) для утверждения и удостоверения знания (привелигерованные репрезентации). Собственный взгляд Рорти позволяет вскрыть логические, онтологические и иные противоречия в «конструировании» привелигерованных репрезентаций Локком, Кантом, неокантианцами и проч., сформировавшими концепт философии как эпистемологии. XX век проблематизирует саму возможность существования объективного научного знания и, как следствие, логику его обоснования.

Анализ Р. Рорти работ Селларса показывает, что трансцендентальная по отношению к любому «объекту» знания позиция человека фактически завершается трактовкой знания как «отражения» собственного интеллектуального продукта. Поиск П.Р. как укорененных во внешнем пространстве языка, коммуникации, социальных структур инициируется бихевиоризмом и означает конец философии как эпистемологии.

Собственно, ни психология, оказывающаяся «суррогатом» эпистемологии, поскольку не отслеживает собственных оснований, ни философия языка (либо формирующая поле равноправных дискурсов, либо скрывающая противоречивость научного языка как метаязыка) не в состоянии обосновать П. Р. Герменевтика стремящаяся к совпадению объективности (реальной положения дел) и субъективности (внутренне созданного «знания о») тем не менее дискредитирует себя «собственной методологией разговора и понимания», что исключает ее из класса «наук».

Концепция «научных обществ» Куна и феномен «ускользающей» реальности «обесценивают» поиск абсолютов (сущность человека, априорные формы, метаязык, парадигма, данность бытия).

Философия без отражения и «эпистемологического» ядра возможна как аномальный дискурс по отношению к уже сложившейся системе науки. Тем самым несовпадение разных дискурсов, утверждает полифоничность любой истины, позволяет трактовать истину как способ существования знания, что освобождает последнее от необходимости быть научным.

Таким образом, Р.Рорти, на мой взгляд, пытается достигнуть двух целей: 1) преодолеть «гносеологизацию» философии Нового времени, 2) Вписать философию как «методологию науки» в культурную ситуацию постмодернизма. Концепция Р. Рорти приобретает научную значимость благодаря самостоятельному ракурсу во взгляде на развитие интеллектуального наследия Западной Европы и Америки включительно. Спорность и двусмысленность некоторых утверждений автора (скажем, по поводу «конца эпистемологии»), игнорирование русской интеллектуальной традиции (узкий Европоцентризм) провоцируют дальнейшее развитие.

С. В. О с т а н и н а:

Из глубины и многогранности мира, текучей изменчивости природной и культурной жизни, человеческий ум выхватывает дискретные фрагменты. Эти фрагменты отождествимы с образами предметов, возникающих в зеркале с тем существенным отличием, что если поставить рядом несколько зеркал на равном расстоянии и под одним углом наклона к каким-либо материальным объектам, или даже заменить эти зеркала на другие, то зеркальные отражения будут одинаковы. Человеческий же ум действует иначе, поскольку он — не плоскость.

Вопрос, что такое ум и каковы его инструменты отражения, встает в наше время настолько остро, что краеугольным камнем современной философии, в виду его сложности, становится тезис о «кончине эпистемологии». Что же произошло с теорией познания, тысячелетия занимавшей царственный пьедестал в философских построениях? Обладает ли философия исключительным правом выведения и подтверждения «оснований» знания для наук? И если нет, то какой становится философия, культурная роль которой ставится под сомнение?

Именно на этих вопросах, как мне представляется, фокусирует взгляд один из видных представителей современной западной философии — профессор университета Вирджинии Р. Рорти.

Представитель аналитической школы по велению времени, но в совершенстве владеющий материалами «историко-ориентированной»

философии, Рорти в работе «Философия и Зеркало Природы», вышедшей в свет в 1979 году, освещает перемены, произошедшие в исследованиях западных мыслителей 1930—1970 годов, в особенности аналитических философов.

До каких заключений дошел неизменно стремящийся к всепониманию и всеобъяснению мира, собственной природы и границ человеческого разум («зеркало природы»), минув эпохи самоуничтожения и самовозвеличивания, к началу нового тысячелетия, знаменуемого расцветом компьютерных технологий и экспериментами по созданию искусственного интеллекта? Ненасытный ранее в жажде познания всего и вся разум ныне усомнился в собственной компетенции по этому вопросу, попытки построения альтернативы самому себе венчают путь саморефлексии по поводу возможности адекватного понимания-познания при помощи доступных ему инструментов.

Рассмотрению этого круга вопросов посвящает свой труд Рорти. Четко выделяя цель книги — расшатать доверие к «уму» и, как следствие, к «познанию», как к чему-то, что необходимо имеет «основания» и нуждается в «теории», — Рорти выстраивает некую картину-модель предшествующей и современной ему философии утверждая не сразу открывающуюся собственную позицию в отношении философии. Эта работа подобна многоцветной мозаике, элементы которой: «философия-как-наука», «философия-свободный дискурс», «философия-поэзия», «философия-социальное реформаторство» как грани единой картины не равнозначны (неравноценны), из их анализа рождается образ философии Рорти.

Деятельность переводчика или того, чей ум выступает в роли посредника между двумя языками, может послужить ярким примером актуальности исследуемых Рорти проблем теории репрезентации, а также критики претензий эпистемологии на адекватное познание. Процесс перевода подобен процессу познания, то есть репрезентации того, что находится за пределами ума, а не в нем самом. Книга Рорти демонстрирует читателю «терапевтическое творчество» автора, она воздействует на сознание, привлекая внимание не к «вечным проблемам» философии, а к способам конструирования репрезентаций, умению ума владеть инструментами познания, настройки и восприятия того, что находится «вне ума».

Корректный перевод не позволяет оперировать различными словами чисто механически подбирая слова и выстраивая предложения по правилам грамматики, именно здесь вступает в действие «активность репрезентаций» и «ментальных процессов», когда одна мысль может вызвать различные ряды «нервных событий» («нервных коррелятов») в сознании разных людей. Из этого следует, что переводчик невольно становится познающим, вступая в процесс репрезентации. Чтение «Философии и зеркала природы», наводит на мысль, что В.В.Целищев, несмотря на непосредственное сотрудничество и помощь при переводе самого Рорти, не сумел осуществить для себя адекватной репрезентации его идей, что во многом их затемнило и отгородило от читателя. Не сразу ясно, кто же Рорти, «систематик» или «наставник». Тем не менее, при внимательном прочтении, позиция Рорти в отношении исследуемого вопроса о положении и дальнейшей участи эпистемоло-

гии и о перспективах выхода из рассматриваемого кризиса разума, все же проясняется. Вступая в дискурс как философ-критик, он делает шаг по направлению к «постфилософской культуре».

Западная философия никогда не была однородным течением, поэтому не случайно в тексте присутствует противопоставленность континентальной и аналитической традиций, каждая из них по-своему составляет акценты в вопросах философствования, а работа Рорти дает возможность проникнуть в глубины современной западной философии, представленной с позиции американиста.

По словам самого Рорти (см. предисловие к изданию на русском языке), для него небезразлично отношение российских философов к его работе, но и нам интересна не только современная философия в изложении Рорти, но и то, что и как мы прочитываем в ней, какие возникают мысли и ассоциации.

Будет ли Рорти удовлетворен выше изложенными репрезентациями его работы «Философия и зеркало природы», если вдруг каким-то образом, эти рецензии окажутся на его рабочем столе — вопрос риторический. Но нам критическое прочтение его книги дает возможность не только окунуться в поток размышлений известного западного философа, но и занять собственную позицию в отношении современной философии.